

УДК 94(47)

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия).

ЛЮДВИГ ШЕМАН И ПАНГЕРМАНЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ)

В контексте развиваемых современной отечественной историографией новых подходов такие термины, как «трансфер», «рецепция» и «адаптация», в последнее время стали использоваться для того, чтобы проследить и методически осознать перспективу изучения транснационального «интеллектуального влияния», преимущество в сфере идей. Причём, речь идёт не о простых заимствованиях, а о переводе, адаптации и ретрансляции идей в национальном контексте. Так, для довоенной Германии, несмотря на наличие стереотипов в отношении французского реваншизма, более того, нарастания воинственности и неприятия всего французского, было характерно распространение взглядов французских идеологов расизма (Ж.А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапуж, Ж. Сури, Э. Дрюмон). Особые усилия в этом проявил специализировавшийся на творчестве Гобино профессиональный переводчик и член Пангерманского союза Людвиг Шеман, оставивший до сих пор подробно не изученные воспоминания. Его мемуары, озаглавленные автором, как «Жизненные пути одного немца», наводят на ряд размышлений: об общности и интеллектуальной близости обеих стран (за рамками политики), о перспективах европейской цивилизации и «белого человека» в эпоху активного колониализма и миграции европейцев в колонии, о потребности части немецкой интеллигенции в идеологическом обосновании незавершённого при Бисмарке национального строительства и специфике национализма, взаимном притяжении и увлечении историей и др. В настоящей статье сделана попытка проанализировать связь между Л. Шеманом и пангерманцами, мотивы вступления переводчика Гобино в Пангерманский союз и его деятельность во фрейбургском филиале, который он возглавил.

Ключевые слова: воспоминания, переводы, пангерманизм, идеология, расизм, интеллектуалы, Первая мировая война, Пангерманский союз, публицистика, империализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-75-85

Введение. В «Истории Пангерманского союза» Отто Бонхарда, опубликованной официальным пангерманским издателем Теодором Вайхером в Лейпциге, Людвиг Шеман (1852-1938) отнесён наряду с Отто Аммоном (1842-1916) и Людвигом Вильзером (1850-1923) к главным идеологам расистского учения, состоящим в организации [10, с. 175]. При этом ведущий хронист пангерманцев отметил, что расистское учение в Европе сформировалось намного раньше, когда сами «пангерманцы были ещё детьми» [10, с. 98]. В то время они вряд ли могли себе представить, что на их мышление окажет влияние мировоззрение французского графа Жозефа Артюра де Гобино (1816-1882), главным переводчиком, био-

графом и проводником которого в Германии станет скромный библиотекарь из Гёттингена. Во многом благодаря ему расовые идеи и интерпретации, начиная с 1902 г. всё чаще находили своё выражение в аргументации пангерманцев, единой души которых в этой связи росло под руководством нового председателя Пангерманского союза Генриха Класса (1868-1953), возглавившего организацию в 1908 г. Распространению расистского учения в Пангерманском союзе способствовало как систематическое изучение переведённых на немецкий язык трудов французских теоретиков (Ж.А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапуж), так и потребность в обеспечении внутренней идентичности Пангерманского союза, который под руководством Г. Класса встал в оппозицию

правительству и сопротивлялся любым демократическим преобразованиям, провозгласив себя оплотом германского мировоззрения и проводником национальных интересов. Расистское учение, обладавшее научной привлекательностью, позволило заключить прежде свободную аргументацию пангерманцев в идеологические рамки предполагаемого превосходства германской расы, глубоко затронув их чувства и эмоции: «Гобино не только в шкафу (*на книжной полке* – авт.), но и в сердце» [14, с. 324].

Объект и методы исследования.

Статья написана на основании изданных при жизни воспоминаний Л. Шемана, частично введённых в отечественную историографию. Несмотря на предвзятое отношение к воспоминаниям у читателя, ожидающего пространных субъективных рассуждений о смыслах жизни с преувеличенной оценкой собственных достоинств, мемуары Л. Шемана рисуют колоритную картину общественно-политической жизни Германии в эпоху вильгельминизма, демонстрируя отточенный публицистический стиль и журналистский талант их автора. В контексте анализа связей Л. Шемана с Пангерманским союзом, заявленного в качестве цели статьи, мемуары дают возможность оценить его не как «одного из пангерманцев», что характерно для существующего в историографии нарратива, а как независимую и волевою личность, имевшую своё собственное мнение. Методы работы с биографическим материалом, источниками, содержащими оценку личности и деятельности Л. Шемана у современников, а также критический анализ историографии, позволили реконструировать его непростой жизненный путь, соотнеся (сравнивая) его взгляды с групповыми представлениями той части образованной интеллигенции, которая подвергла систематической критике традиционную для рейха «политику знати» (*Honorationenpolitik*).

Людвиг Шеман родился в Кёльне и происходил из небогатой семьи городских

бюргеров, многие поколения которой были известны, либо своим пастырским духовным служением, либо предпринимательской деятельностью. Хотя в своих воспоминаниях Л. Шеман описал детство с позиции уже сформированной личности, акцентируя внимание на двух важных для себя вещах, его рассуждения о раннем возрасте дают некоторые представления о преобладавших в быстро развивавшемся кёльнском обществе традиционных немецких ценностях с частичным неприятием прогресса. «Я вестфальской крови, – повествовал он, – родом, как со стороны отца, так и со стороны матери из старого графства Марк (*к северо-востоку от Кёльна; с 1815 г. в составе Пруссии* – авт.), жители которого, по словам историографа Вестфалии старого Иоганна Дитриха фон Штайнена, обладали столь ценившимися в то время качествами, которыми хотелось бы гордиться и сегодня – деловитостью и надёжностью. Однако растущая индустриализация уже тогда оказывала палубное влияние на их сохранение, а рождение республики в 1918 г. и вовсе нанесло серьёзный урон нашему национальному характеру» [24, с. 3].

После завершения обучения в гимназии *Casimirianum* в Кобурге (1870), где Л. Шеман проявил особенный интерес к поэзии, античности и французскому языку [24, с. 16], а также, где он написал свою первую статью о Рихарде Вагнере [24, с. 33], уже в качестве студента он изучал историю и классическую филологию в университетах Гейдельберга, Берлина и Бонна. Он расширил свою семинарскую работу по истории римских легионов во время Второй Пунической войны [21], которую написал ещё в Берлине под руководством «выдающегося знатока римской истории» [24, с. 44] Теодора Моммзена, до докторской диссертации, защитив её 9 марта 1875 г. в Бонне. Его слабое здоровье, отсутствие финансовой поддержки со стороны родителей и удовле-

творительная оценка за экзамен по философии Платона, не позволили ему продолжить академическую карьеру. Без особой альтернативы он занял должность библиотекаря в Гёттингенском университете, на которой оставался последующие шестнадцать лет [24, с. 48]. За это время «старомодный» Гёттинген ему очень наскучил. Л. Шеман искал и нашёл необходимый баланс в Байройте, в кругу Рихарда Вагнера (1813-1883), творчеством которого восхищался с раннего детства. Ещё во время учёбы в Берлине Л. Шеман он присоединился к основанному в 1872 г. Академическому обществу Вагнера в Берлине (*Akademische Wagner-Verein*), посетив 4 февраля 1873 г. концерт, которым дирижировал сам маэстро [24, с. 45].

С 1876 г. он тратил значительную часть своего дохода на посещение фестиваля в Байройте («Вагнеровский фестиваль»), чем вызвал недоумение друзей и коллег, считавших сам фестиваль скандальным, а его основателя безнравственным [24, с. 57]. Предубеждения по отношению к Вагнеру разделяли те, кто считал его шовинистом и антисемитом [3; 5; 8]. Довольно скоро Л. Шеман перестал быть простым поклонником, присоединившись по письменному приглашению супруги композитора Козимы Вагнер к узкому кругу последователей и учеников Вагнера (1877). В байройтском кругу Л. Шеман смог испытать «счастье, о котором он мечтал в детстве, вступив в непосредственный контакт со знаменитыми людьми» [24, с. 65]. Став членом правления вагнеровского общества, Л. Шеман получил возможность публикации собственных статей о композиторе и очень скоро завёл дружбу с ещё одним поклонником Вагнера и его официальным биографом бароном Гансом фон Вольцогеном. Уже тогда Л. Шемана стала больше интересовать журналистская детальность, чем скучная работа гёттингенского библиотекаря. Однако, несмотря на предложение переехать в Байроит и работать

вместе с Вольцогеном над проектами Вагнера, Л. Шеман предпочёл сохранить свою «скучную» должность в связи с нехваткой финансовых средств и желанием сохранить независимость.

В стремлении отыскать собственный путь, сохранив независимость, Л. Шеман сблизился с профессором, чьё имя было неразрывно связано с Гёттингеном, Паулем де Лагардом (1827-1891). Его влияние на Л. Шемана стало связующим мостом между Вагнером и Гобино. Сам Л. Шеман в мемуарах характеризует влияние Лагарда следующим образом: во-первых, гёттингенский профессор независимостью суждений и мужеством в их доказательстве, во-вторых, Лагард обладал энциклопедическими познаниями, являя собой пример настоящего человека науки, и, в-третьих, считал себя настоящим патриотом отечества, учеником Фихте и Арндта, превозносящим превыше всего Германию и немцев [24, с. 60]. Обоих сближало неприятие индустриализации, демократии и урбанизации, понимаемых в качестве причин немецкого упадка, а царивший в Гёттингене дух либерализма, казался Л. Шеману развращающим и чуждым [24, с. 66]. В то же время у Лагарда были и недостатки, которые, по словам Ю. Кёка, не позволили ему стать новым кумиром для Л. Шемана [17, с. 727-728]. У Лагарда не было склонности играть какую-либо роль на политической арене в деле защиты немецких интересов и решении проблем Германии. Отвергнув все намерения играть активную политическую роль, Лагард посвятил себя заботе о воспитании немцев. В этой сфере он был красноречивым популяризатором идеи Средней Европы (*Mittleuropa*) во главе с немцами, защитником окружённой враждебными державами Германии и сторонником сильной государственной власти. Нежелание Лагарда добиваться воплощения собственных идей расходилось с амбициями молодого Л. Шемана [10, с. 179],

благодарного своему учителю «за пробуждение чувства политического долга» [24, с. 79]. Однако предложение Лагарда познакомиться с расовым учением графа Гобино, попало на благодатную почву, зародив семена будущего, ориентированного на политику мышления Л. Шемана. Идея «расы», как «подвижного элемента, который проливал свет на все закоулки истории», дала Л. Шеману ключ к его собственному пониманию историко-антропологического процесса [24, с. 60].

Под влиянием Лагарда в 1880-е гг. происходило становление политического мышления Л. Шемана, которое сам он определил как «национально-консервативное» [24, с. 71]. Л. Шеман был убеждён, что после основания рейха политическая ситуация в стране существенно изменилась. Вслед за Лагардом, считавшим, что нации уходят сами по себе, когда исчезают их политические и духовные центры [18, с. 20], Л. Шеман воспринимал империю как ошибочную конструкцию, поскольку ей не хватало внутреннего единства и, в частности, идеологии. Попытки патриотов связать поиск такой идеологии с культурными корнями и традициями казались ему нелепыми, так как столь предпочитаемое ими понятие «народа» для многих оставалось всего лишь абстракцией, подходящей разве что для шумных собраний с криками, ругательствами и аплодисментами [24, с. 77]. Немцы, полагал он, были запутаны, что усугублялось их партийно-политической разобщённостью; партии – «прокрустово ложе», на которое немцев загнала либеральная еврейская пресса [24, с. 75]. Либералы были, пожалуй, самыми главными врагами Л. Шемана. Либеральная «толерантность» казалась ему особенно предосудительной: она подрывала традиционные общественные устои. Он рассматривал приспособляемость и удобство как основные движущие силы либерализма, понимаемого им как мировоззрения с сильным еврейским влиянием [24, с. 75-78].

О желании Л. Шемана оказывать большее, чем Лагард, влияние на политику свидетельствуют его продолжительные дружеские связи с Максом Либерманом фон Зонненбергом (1848-1911), оставшимся военным, главным редактором антисемитской «Немецкой народной газеты» и пангерманским депутатом рейхстага от Немецкой социальной партии (*Либерман бы её председателем: в 1889-1900 и 1903-1911 гг.* – авт.). Вероятнее всего от Либермана Л. Шеман узнал о Пангерманском союзе, в который он вступил в 1909 г. после того, как его руководство во главе с новым председателем Г. Классом (1868-1953) консолидировалось, включив антисемитизм в свою программу. Из соображений преимущественно политической легитимности прежнему председателю Пангерманского союза Э. Хассе (1846-1908) какое-то время удавалось сдерживать натиск антисемитов внутри самой организации, отражая нападки того же Либермана, требовавшего пересмотра программы [16, с. 193].

Знакомство с творческим наследием Гобино, которому сам Л. Шеман «был обязан великолепным финальным аккордом собственной симфонии жизни» [24, с. 61], и ради которого он «изменил свою судьбу» [24, с. 232], стало возможным при содействии управляющей помещьем Гобино и хранительницы его архивов – графини Матильды де Ла Тур (1838 - 1911) [24, с. 235, 243]. В 1893 г. между ними завязались дружеские отношения, которые продолжались вплоть до самой смерти графини. К этому моменту Л. Шеман уже был знаком с некоторыми сочинениями Гобино, более того, лично с ним встречался летом 1882 г. в Байройте [24, с. 94]. После взаимных встреч с графиней в Лионе и Касселе, городе, в котором после Гёттингена с 1891 г. жил Л. Шеман, возникла идея основания Общества Гобино (*Gobineau-Vereinigung*) [24, с. 236]. Эту идею активно поддержала вдова Вагнера – Козима Вагнер (1837-1930). Из-за

продолжительной болезни Л. Шемана это общество было основано 12 февраля 1894 г. Помимо изучения и популяризации трудов Гобино – главных задач общества – все его члены платили ежегодный взнос в размере 20 марок или 200 марок единовременно, получая возможность бесплатно приобретать все официально опубликованные издания [4, с. 21-22].

Современник и историк Пангерманского союза О. Бонхард, отмечая роль Л. Шемана в распространении взглядов Гобино, утверждал, что после смерти графа о его идеях в Германии очень быстро забыли [10, с. 183]. Причиной тому стало неприятие всего французского и самих французов, подстрекавших к реваншизму после 1871 г. Стереотипы о «французском реваншизме» и «французской угрозе» переключались и в историографию, которая объясняла ими, в том числе и причины Первой мировой войны [6; 9; 12]. В этой связи воспоминания Л. Шемана, часто бывавшего во Франции и общавшегося с кругом графини де Ла Тур, обращают внимание на важную деталь, относящуюся к мнению части французской интеллигенции по поводу идеи реванша: «годы на рубеже веков ознаменовали время, когда ненависть к немцам во Франции почти угасла» [24, с. 244].

В то время как французское общество, по словам Л. Шемана, демонстрировало если не симпатию, то всё большую терпимость по отношению к немцам, в Германии, особенно после отставки Бисмарка и с формированием режима личной власти императора Вильгельма II зрело недовольство, имевшее куда более глубокие корни. Речь идёт сразу о двух новых явлениях, которые характеризовали немецкое общество: формированием радикального мышления у среднего класса, недовольного французским республиканизмом, подрывавшим традиционные ценности служения монархии, а также неудовлетворённостью национальным объединением, считавшимся незавершённым

после 1871 г. Германия эпохи «вильгельминизма» заявила о себе как об империи, стремившейся достичь статуса великой державы, проекты которой активно развивали немецкие интеллектуалы (Э. Ревентлов, П. Рорбах, Т. Шиман, Ф. Науман [7]). По этой причине, желание видеть будущее Германии великим, инициировало поиск национальной идентичности, доходивший до шовинистских оправданий собственной исключительности.

Получившая расово-теоретическое обоснование иерархия между отдельными людьми и народами предложила, казалось бы, научное объяснение национальному самовосприятию, о котором уже заявил историк Г. фон Трейчке (1834-1896) [26, с. V-VIII]. Именно из-за претензий на научность расизм был привлекателен для многих немцев, таких как Л. Шеман, которые искали объективное оправдание, историко-философский смысл и указание на необходимые в будущем политические действия для обоснования превосходства своего собственного народа.

Французский политик, дипломат и публицист Гобино считал своим долгом создать такое учение, в котором категория расы могла бы восприниматься в качестве универсального критерия исторического процесса. В своих трудах, переведённых Л. Шеманом, Гобино связал все исторические события с происхождением человеческих рас. В своей основополагающей работе «Опыт о неравенстве человеческих рас» [15] граф высказал предположение о том, что люди жили большими группами (расами), сформировавшимися ещё в доисторические времена, и что существующие характеристики этих больших групп сохранились до современности. Но большинство рас со временем оказались неспособны к цивилизационному развитию. Согласно его классификационной схеме, существовала только одна благородная раса, от которой исходила внутренняя цивилизация и культура:

белая раса, внутри которой особенно выделялись арийцы, благородные. Эта «элитная группа» имела особую, способствующую развитию и поддержанию культуры кровь, которая передавалась по наследству. Он пришёл к выводу, что цивилизация могла возникнуть только в том случае, если в неё была вовлечена белая раса. Поэтому Гобино первоначально рассматривал расовое смешение как преимущество. Но в долгосрочной перспективе такое смешение имело катастрофические последствия, снижая культуuroобразующую и цивилизационную ценность расы: поскольку, чем менее в результате смешения рас становилась доля арийской крови (во многом из-за стремления к политическому равенству), тем слабее становилась та сила, которая поддерживала культуру. Историко-философский пессимизм Гобино был мрачен: он предсказывал неизбежное «выравнивание» до состояния, в котором все люди были одинаковы: конец культуры, конец развития, даже конец истории. Он ясно осознал, что необходимо принять меры для сохранения культурных способностей «арийско-германской расы». Но он не предложил конкретных мер по её сохранению, а только обосновал неравенство и установил превосходство определённой расы.

В то время как французский теоретик рассматривал «нацию» как продукт смешения крови и, следовательно, её упадка, Л. Шеман модифицировал его идею таким образом, что немецкая нация была сравнительно наименее выродившейся и что немецкое государство должно было выступать в качестве опекуна оставшихся рас. Критически осмыслив учение Гобино, Л. Шеман заключил, что «пророк» слишком увлёкся «описанием хода внешних событий» [23, с. 322], чем выявлением ценности той или иной расы, и, поэтому, ошибочно заключил, что немцы частично утратили чистоту своей арийской крови и более не «воплощают в себе ядро и нерв» [23, с. 320] цивилизационной культуры.

Его «совершенно неадекватное, а иногда и вовсе неправильное суждение о немцах» [23, с. 305] позволило считать единственно «живым арийским народом» англичан [22, с. 144]. Делая вывод о таком несовершенстве учения Гобино, Л. Шеман не скрывает своего разочарования [1, с. 195-209; 2, с. 33], хотя и прилагает руку к его намеренной фальсификации в угоду зарождавшемуся в Германии фёлькишескому мировоззрению [17, с. 732]. По его личному мнению, будущее Германии зависело от запрета утверждения низших расовых элементов и сохранения цивилизационной ценности «арийской расы» [11, с. 60]. Прийти к такому заключению Л. Шеман смог только после того, как связал расовое учение Гобино с популярными в его время теориями социальной антропологии и расовой гигиены, основанными на социал-дарвинизме.

Лидер пангерманцев Г. Класс, безусловно, интересовался переводами Гобино, а также рецепцией его учения, как у самого Л. Шемана, так и других интеллектуалов (А.Ю. Лангбен, Х.С. Чемберлен, О. Аммон, Л. Вольтман, Л. Вильзер, Т. Фрич). Это подтверждает его вступление в Общество Гобино в 1901 г., где он смог лично познакомиться с Л. Шеманом, а также издание Г. Классом его «Немецкой истории», написанной с точки зрения расового превосходства германцев [13]. В ней он сослался на культурные достижения немецкого народа, опасаясь расового смешения и вырождения. Он отнёс германские племена к «арийским этническим семьям», занимающим самое высокое по значению место в расовом спектре, а немецкий народ – к единственному носителю культуры» [24, с. 2]. Он интерпретировал каждое историческое событие не как результат ряда взаимозависимых влияний, а как результат действия всеобъемлющих и постоянных расовых законов.

Опасаясь снижения интереса немцев к учению Гобино, Г. Класс инициировал

создание в 1920 г. Нового общества Гобино, которое стало преемником шемановского общества, прекратившего существование годом ранее. Он занимался сбором средств, необходимых для новых публикаций общества, распространял их через разветвлённую сеть пангерманских филиалов, финансово поддерживал самого Л. Шемана. Всё это Г. Класс делал уже после революционных потрясений для того, чтобы противопоставить демократическому постулату равенства расистскую концепцию неравенства. В новых для Германии условиях Гобино, по его мнению, стал лучшей рекламой Пангерманского союза [19, с. 89].

В своих воспоминаниях Л. Шеман отметил, что давно присматривался к Пангерманскому союзу, но не решался связать с ним свою жизнь, во всяком случае до тех пор, пока не стал уверен, что идеи расизма, с помощью которых сами пангерманцы отыскивали, по его мнению, «по-настоящему правильный путь» [24, с. 345], не нашли выражения в его программе. «Среди пангерманцев, – писал он, – я нашёл самые способные умы, самые тёплые сердца и самые благородные характеры, которые были самыми самоотверженными и способными на самопожертвование немцами» [24, с. 345]. Кроме того, Л. Шеман не желал связывать себя с какой-либо политической партией, поскольку считал их средством разобщения немцев, ведущим к вырождению [24, с. 345], а внепартийный статус Пангерманского союза полностью соответствовал его намерениям.

Выжидая момент для того, чтобы присоединиться к пангерманцам, Л. Шеман активно интересовался тем, что происходило внутри организации. Таковую возможность он получил, общаясь с его авторитетными представителями в образованном в 1907 г. Союзе Верданди (*Werdandi-Bund*), соучредителем которого он был. В организацию, названную в честь одной из трёх норн германского

эпоса, способной определять судьбы людей и богов, в разное время входили пангерманцы А. Мёллер ван ден Брук, Х. С. Чемберлен и А. Бартельс.

Вступление Л. Шемана в Пангерманский союз было продиктовано не только этим воодушевлением. Он верно рассчитал, что пангерманцы, особого из числа руководства союза, такие как Г. Класс, окажут ему финансовую помощь в издании собственных трудов и поддержат популяризацию его идей в Германии. Это безошибочное предположение Л. Шемана обернулось тем, что авторитетные члены Пангерманского союза через своих депутатов в рейхстаге оказали содействие Л. Шеману в выделении государственных средств на публикацию его трудов. На этот аспект взаимного сотрудничества указал К. Немитц, отметив, что позже он привёл к скандалу в рейхстаге, инициированному депутатами от СДПГ [20].

Л. Шеман не ошибся, сделав ставку на Г. Класса, и став частью его новой команды, которой тот окружил себя после избрания председателем Пангерманского союза. Г. Классу он посвятил большую часть своих воспоминаний, описав его в самых патетических фразах: «Благодаря его неустанному и самоотверженному служению нашему народу, энтузиазму и готовности к труду, он (*Класс* – авт.) стал примером для подражания, выведя Пангерманский союз на высокий уровень процветания» [24, с. 349].

После вступления в Пангерманский союз в 1909 г. Л. Шеман получил указания из Берлина взять на себя руководство его фрейбургским филиалом (1913-1918), насчитывавший в своих рядах чуть более ста человек. Задача для Л. Шемана осложнялась тем, что, по его собственным словам, политическая жизнь Фрейбурга находилась во власти либерально-демократической партийной суеты, среди которой всему национальному фактически не оставалось никакого места. Господствующей партией была партия Центра, работавшая

на руку социал-демократии [24, с. 350].

Итоги организационной деятельности Л. Шемана оказались очень скромными. Из-за постоянных болезней ему удалось всего лишь наладить связь с другими национальными объединениям Фрейбурга, совместно с которыми он организовывал и проводил публичные встречи, в ряде случаев с участием внешних докладчиков. Кроме того, он, проведя серию переговоров, привёл к участию в Пангерманском союзе своих университетских коллег. До него представители фрейбургского академического сообщества уже состояли в филиале: профессор Готфрид Байст (1853-1920), который был деканом философского факультета и проректором университета, профессор Ганс Гмелин (1878-1941), читавший лекции по колониальному конституционному праву и др.

В годы войны в качестве члена Независимого комитета за немецкий мир, душой которого был пангерманский профессор Д. Шефер (1845-1929), Л. Шеман поддержал идею заключения достойного мирного договора, учитывавшего территориальные интересы Германии, а также выступил в поддержку неограниченной подводной войны, которая была главным залогом такого мира. Его подпись стояла на петиции пангерманцев, направленной Вильгельму II в марте 1916 г., о необходимости отставки рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега, которая могла спасти Германию от результатов его губительной политики [24, с. 358].

Итоги войны и революционные потрясения («гигантский пожар») [24, с. 359], оказали сильнейшее влияние на мировоззрение Л. Шемана. Было разрушено всё то, во что он верил; будущее казалось ему совершенно безрадостным [24, с. 363]. Крушение империи стало доказательством превосходства вражеских сил над «арийской расой», а пацифизм, социал-демократия и предательство своего народа ведущими политиками оказались

признаками разложения общества изнутри. На этом фоне Л. Шеман адаптировал своё мировоззрение к новым обстоятельствам, фактически отрёкшись от французского влияния Гобино, превознося теперь исключительно немецких героев: «После Гобино я чувствовал себя обязанным показать нашим национальным героям то, как горячо билось за них моё сердце. Лагард, этот самый немецкий человек, показался мне верным мостом к героям Танненберга, Горлице и Скагеррака» [24, с. 364]. Свои воспоминания о нём Л. Шеман опубликовал в 1919 г. [25].

Оставаясь, как и прежде критиком индивидуализма и сторонником коллективного «национального тела» [24, с. 390], Л. Шеман сосредоточился на его «духовной защите» от угроз «вырождения». Он отверг демократические реформы и институты Веймарской республики, приветствуя любые попытки сопротивления им. В своих публикациях он приветствовал тех, кто выступил против республики в марте 1920 г. (В. Капп, В. фон Лютвиц, Д. фон Ягов, Г. Трауб) [24, с. 398]. По этой же причине с 1928 г. Л. Шеман начал активно поддерживать национал-социалистов, уже при которых достиг желаемых заслуг: в 1937 г. он стал почётным членом Имперского института истории новой Германии и награждён медалью Гёте за вклад в науку и искусство. Однако большее удовольствие Л. Шеману доставило осознание того, что его расовые идеи получили поддержку в той Германии, которую он желал видеть.

Заключение. Ввиду того, что на всем протяжении жизни мировоззрение Л. Шемана менялось в зависимости от внешних интеллектуальных воздействий и общественно-политических событий, свидетелем которых он стал, пережив сразу несколько эпох истории своей страны, его собственное учение стало весьма интерферентным: сложно было понять, где заканчиваются чужие мысли и начинаются его собственные, что было причиной и что

стало следствием его умозаключений, кому или чему адресованы его идеи. Вероятнее всего, он сам это понял, скептически заключив в своих воспоминаниях, что «ему всё ещё не хватало чего-то самого важного, необходимого для глубокого понимания природы вещей» [24, с. 62]. Между тем, «сомневавшийся» Л. Шеман был ясно понят современниками. Расизм, который он постулировал, стал не просто учением, а идеологией, которая оправдывала скепсис

по поводу незавершённого в 1871 г. национального строительства. Нация была переосмыслена как индивидуализированное и деполитизированное единение, подвергнутое универсальному естественному процессу постоянной борьбы за существование. В какой-то момент Л. Шеман стал заложником собственных суждений, которые были широко восприняты националистами разных оттенков, объединённых в Пангерманский союз.

Список литературы

1. *Артамошин С. В.* Расово-исторические концепции Жозефа Артюра де Гобино и Хьюстона Стюарта Чемберлена // Люди и политика: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 7. – Брянск, 1999. – С. 195-209.
2. *Артамошин С. В.* Идейные истоки национал-социализма. – Брянск: Издательство БГУ, 2002. – 184 с.
3. *Грей Г.* Вагнер. – Челябинск: «Урал», 2000. – 174 с.
4. *Ольденбург С.* Кружок имени Гобино // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – Том 12. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1900. – С. 21-22.
5. *Поляков Л. В.* История антисемитизма. – В 2-х тт. – Т. 2: Эпоха знаний. – Кн. 2: От Вольтера до Вагнера. – Москва, Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008. – 610 с.
6. *Тарле Е. В.* Эльзас-Лотарингский вопрос накануне Великой европейской войны (1915) // Сочинения: В 12 тт. – Т. XI. М., 1963. – С. 431-443.
7. *Цимбаев К. Н.* «Великая Германия»: Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. – М.: РГГУ, 2017. – 259 с.
8. *Шнирельман В. А.* «Еврейство в музыке» / В. А. Шнирельман. Лица ненависти: Антисемиты и расисты на марше. – М.: Academia, 2010. – С. 38-62.
9. *Audoin-Rouzeau S.* French Public Opinion in 1870-71 and the Emergence of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871. – Cambridge, 1997. – pp. 393-412. *Bonhard O.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. – Leipzig/Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
10. *Breuer S.* Ordnungen der Ungleichheit. Die deutsche Rechte im Widerstreit ihrer Ideen: 1871-1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. – 424 S.
11. *Contamine H.* La Revanche, 1871-1914. – Paris: Berger-Levrault, 1957. – 280 p.
12. *Einhart* [Heinrich Claß]. Deutsche Geschichte. – Leipzig: Dieterich, 1909. – 426 S.
13. *Flitner F.* Über Rassen und Rassenpflege, in: Alldeutsche Blätter / Hrsg. vom Alldeutschen Verband. – 23. Jahrgang. – Nr. 38 (20. September 1913). – S. 324.
14. *Gobineau A. de:* Versuch über die Ungleichheit der Menschenrassen [Essai sur l'inégalité des races humaines]. In den 4 Bände / *Ludwig Schemann.* – Stuttgart: Fr. Frommans Verlag, 1900. – 290 S.
15. *Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband: 1890 bis 1939. – Hamburg: Christians Verlag, 2003. – 600 S.
16. *Köck J.* Ludwig Schemann und die Gobineau-Vereinigung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 59. Jahrgang. – Heft 9. – 2011. – S. 723-740.

17. *Lagarde P., de*: Deutsche Schriften. – Göttingen: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1878. – 256 S.
18. *Leicht J.* Heinrich Class (1868-1953): Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. – 464 S.
19. *Nemitz K.* Antisemitismus in der Wissenschaftspolitik der Weimarer Republik: der "Fall Ludwig Schemann" // Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte. – Bd. 12. – 1983. – S. 377-407.
20. *Schemann L.* De legionum per alterum Bellum Punicum historia quae investigari posse videantur. – Bonn: Univ., Diss., 1875. – 53 S.
21. *Schemann L.* Gobineau und die deutsche Kultur. – Leipzig: Eckardt, 1910. – 544 S.
22. *Schemann L.* Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des "Essai sur l'inégalité des races humaines". – Stuttgart, 1910. – 544 S.
23. *Schemann L.* Lebensfahrten eines Deutschen. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1925. – 410 S.
24. *Schemann L.* Paul de Lagarde. Ein Lebens- u. Erinnerungsbild. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1919. – 410 S.
25. *Treitschke H., von*: Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. In den 5 Bd. – Bd. 1: Bis zum zweiten Pariser Frieden. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel 1904. – 792 S.

LUDWIG SCHEMANN AND THE PAN-GERMANS (BASED ON MEMORIES)

In the context of new approaches developed by modern Russian historiography, such terms as "transfer", "reception" and "adaptation" have recently begun to be used to trace and methodically understand the prospects for studying transnational "intellectual influence", an advantage in the sphere of ideas. Moreover, we are not talking about simple borrowings, but about the translation, adaptation and retransmission of ideas in a national context. Thus, for pre-war Germany, despite the presence of stereotypes regarding French revanchism, moreover, the growth of militancy and rejection of everything French, the dissemination of the views of French ideologists of racism was typical. Special efforts in this were made by a professional translator and member of the Pan-German league Ludwig Schemann, who specialized in the work of Gobineau and left behind memoirs that have not been studied in detail to this day. His memoirs, entitled by the author as "The Life Paths of a German", give rise to a number of reflections: on the community and intellectual closeness of both countries (beyond politics), on the prospects of European civilization and the "white man" in the era of active colonialism and the migration of Europeans to colonies, on the need of a part of the German intelligentsia for an ideological justification for the unfinished national construction under Bismarck and the specifics of nationalism, mutual attraction and passion for history, etc. This article attempts to analyze the connection between Schemann and the Pan-Germans, the motives for the entry of the translator Gobineau into the Pan-German league and his activities in the Freiburg local group, which he headed.

Keywords: memoirs, translations, Pangermanismus, ideology, racism, intellectuals, World War I, Pan-German league, journalism, imperialism.

References

1. *Artamoshin S. V.* Racial-historical concepts of Joseph Arthur de Gobineau and Houston Stewart Chamberlain // People and politics: interuniversity collection of scientific papers. – Issue 7. – Bryansk, 1999. – Pp. 195-209.
2. *Artamoshin S. V.* Ideological sources of national socialism. – Bryansk: BSU Publishing House, 2002. – 184 p.
3. *Gray G.* Wagner. – Chelyabinsk: "Ural", 2000. – 174 p.
4. *Oldenburg S.* Gobineau Circle // Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. – Volume 12. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1900. – Pp. 21-22.
5. *Polyakov L. V.* History of Anti-Semitism. – In 2 vols. – Vol. 2: The Age of Knowledge. – Book 2: From Voltaire to Wagner. – Moscow, Jerusalem: Bridges of Culture; Gesharim, 2008. – 610 p.

6. *Tarle E. V.* The Alsace-Lorraine Question on the Eve of the Great European War (1915) // Works: In 12 vols. - Vol. XI. Moscow, 1963. - Pp. 431-443.
7. *Tsimbaev K. N.* "Great Germany": Formation of the German National Idea on the Eve of the First World War. - Moscow: RSUH, 2017. - 259 p.
8. *Shnirelman V. A.* "Jewry in Music" / V. A. Shnirelman. Faces of Hatred: Anti-Semites and Racists on the March. – M.: Academia, 2010. – P. 38-62.
9. *Audoin-Rouzeau S.* French Public Opinion in 1870-71 and the Emergence of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861-1871. – Cambridge, 1997. – pp. 393-412. *Bonhard O.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. – Leipzig/Berlin: Theodor Weicher, 1920. – 291 S.
10. *Breuer S.* Orders of inequality. The German right in the conflict of its ideas: 1871-1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. – 424 p.
11. *Contamine H.* La Revanche, 1871-1914. – Paris: Berger-Levrault, 1957. – 280 p.
12. *Einhart* [Heinrich Claß]. German history. – Leipzig: Dieterich, 1909. – 426 p.
13. *Flitner F.* On races and racial care, in: Alldeutsche Blätter / published by the Alldeutscher Verband. – 23rd year. – No. 38 (20 September 1913). – p. 324.
14. *Gobineau A. de:* Essay on the Inequality of Human Races [Essai sur l'inégalité des races humaines]. In 4 volumes / Ludwig Schemann. – Stuttgart: Fr. Frommans Verlag, 1900. – 290 p.
15. *Hering R.* Constructed Nation. The Pan-German League: 1890 to 1939. – Hamburg: Christians Verlag, 2003. – 600 p.
16. *Köck J.* Ludwig Schemann and the Gobineau Association // Journal of Historical Science. – 59th year. – Issue 9. – 2011. – pp. 723-740.
17. *Lagarde P., de:* German Writings. – Göttingen: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1878. – 256 p.
18. *Leicht J.* Heinrich Class (1868-1953): The political biography of a Pan-German. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2012. – 464 p.
19. *Nemitz K.* Anti-Semitism in the science policy of the Weimar Republic: the "Ludwig Schemann case" // Yearbook of the Institute for German History. – Vol. 12. – 1983. – Pp. 377-407.
20. *Schemann L.* De legionum per alterum Bellum Punicum historia quae investigari posse videantur. – Bonn: Univ., Diss., 1875. – 53 p.
21. *Schemann L.* Gobineau and German culture. – Leipzig: Eckardt, 1910. – 544 p.
22. *Schemann L.* Gobineau's racial work. Documents and reflections on the history and criticism of the "Essai sur l'inégalité des races humaines". – Stuttgart, 1910. – 544 p.
23. *Schemann L.* Life paths of a German. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1925. – 410 p.
24. *Schemann L.* Paul de Lagarde. A life and memory portrait. – Leipzig: E. Matthes Verlag, 1919. – 410 p.
25. *Treitschke H., von:* German history in the nineteenth century. In the 5 volumes – Volume 1: Up to the second peace of Paris. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel 1904. – 792 p.

Об авторе

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета, Россия, aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Kostroma State University (Kostroma, Russia), aturigin@mail.ru